

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 41

1989

Николай ТРЯПКИН

***ПОДРАЖАНИЕ
ЭККЛЕЗИАСТУ***

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 41

Издается с января 1925 года

Николай ТРЯПКИН

ПОДРАЖАНИЕ ЭККЛЕЗИАСТУ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Николай ТРЯПКИН

Николай Иванович Тряпкин родился в 1918 г. в деревне Саблино бывшей Тверской губернии в крестьянской семье. Учился в Московском историко-архивном институте.

В 1953 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышла первая книга его стихов — «Первая борозда». К настоящему времени у поэта издано более двадцати сборников, в том числе книги избранных стихотворений.

* * *

На все цветы и зарождения
Ложится пепел роковой.
Не для прохлад и очищенья
Проходят ветры над землей.

И даже вешние капли
Не обновляют сил земных.
И наши иволги сомлели
Уже в конце сороковых.

А где-то, в пропасти бетонной,
Гудит тот пламень роковой.
И вот уже под змейкой сонной
Распался камень вековой.

И с каждой веточки весенней
Свисает гнойная смола.
И с каждым часом все мгновенней
Все наши судьбы и дела.

А ветер схватит нас за платье—
И ставит смертную мету.
И вот тянусь к твоим объятьям—
И прорываюсь в пустоту.

И не словлю твое дыхание,
И не сыщу твое лицо.
И только ветер Мироздания
Проносит Млечное кольцо.

И на всемирной колеснице—
Ни я с тобой, ни ты со мной.

А там — на звездные ресницы
Ложится пепел роковой.

1962

ИРКУТСКИЙ БАЗАР

*Славный корабль — омулевая бочка...
Из песни*

За прилавками — тюрки, чалдоны, Зульки и Катруси,
Всевозможная пестрядь халатов, и чуек, и слов.
А на грузных прилавках — олени, медведи и гуси.
Тут и семга, и омуль, и жирный дымящийся плов...

Впрочем, все это — ложь. Ремесло стихоплетной артели.
И свежаванный лось, и помпезный сибирский кабан.
На иркутском базаре давно уж всё проще на деле:
Ни гусей-медведей, ни веселых проезжих цыган.

Никаких омулей — и ни бочек тебе омулевых!
Это все лишь эмблемы да песен старинных тавро.
Рядовая свекла. Да ряды из орехов кедровых.
Да говяжьи остатки — по восемь рублей за ребро.

Проходная морковь. Да какие-то постные дыни.
Да какие-то старцы с каких-то песчаных сторон.
Да испытанный веник — из лучшей байкальской полыни.
Да под крышей стеклянной две штуки заблудших ворон.

А вокруг меня — тюрки, чалдоны, Зульки и Катруси,
Всевозможные джинсы, бурятки в седых париках...
Ну, а что там — олени, медведи, и лоси, и гуси?
Это все лишь в Москве. Да и то — на особых столах.

1981

* * *

Я долго жил среди такого круга,
Где старый Бог начальством заменен,
Где все изводят завистью друг друга,
Хотя и чтут совместный «выпивон»,

Где сладкий запах полевой гречихи
Так смешан с пылью канцелярских дел,
Где жены завов толсты, как купчихи,
А соловей от водки ожирел.

Среди лесов и жарких нив России
Замлеет летом городочек наш.
И едут в сад районные месии,
В колхозный сад, где пчельник и шалаш.

Что здесь ракет космических раскаты?
Они едва доходят до трибун,
А дальше — дверь из войлока и ваты,
Где глухнут звоны самых громких струн.

И все ж я пел, бряцал на этой лире
И много строчек в тишине сложил.
Меня пытали в каждой здесь квартире:
А сколько я за это получил?

И подымали шум на всю округу —
Глядите, мол, не сеет и не жнет!..
Здесь лучший друг рвет глотку милу другу
За кресло, за награды, за почет.

О грузные, дубовые скрижали!
Родня моя! и злость моя! и грусть!..
Меня отсюда долго выживали.
И я ушел. И больше не вернусь.

1962

* * *

О страсти мира! Извечный крик!
О страсти мира!
Давно проплакал речной тростник
О снах Кашмира.

И не во мне ли от старых ран
Засохла смолка?
И в детской люльке стучал наган
Зубами волка.

И вот свалился весь дедов лес
В сухмень суглинка.
И не моя ли в костях древес
Застряла финка?

И только в строчках озноб луны
Заглох, как рыба.
И только вспомню снега Двины
Да зной Турксиба.

И стал я жаден, как злой цыган,
А был ведь инок.
И в древнем царстве моих полян
Грохочет рынок.

И все суставы, за стыком стык,
Во мне что крючья.
И не поверил речной тростник
В мои созвучья.

И все составы на всех путях—
Как все суставы.
И все подметки мои — в кровях
И в струпьях славы.

И скоро сам я, как дедов лес,
Уйду в суглинок.
И только щелкнет стальной обрез
У тех куртинок.

И только в строчках озноб луны
Замрет навеки.
И снова так же споят «за ны»
Ручьи и реки.

1969

ЦАРСКАЯ ДОРОГА

Николаю Банникову

А дорога звенит. А дорога свернулась кольцом—
И взлетает, как стриж, и сигает в лесные обрывы.

Эта хвойная глушь! Эти смутные дебри кругом!
Эти древние сны из хвощей, лозняков и крапивы.

Вывывается свет — и гудронка летит как стрела
К синеве облаков, в неизвестные русские дали.
И проносится лес. И ударит густая смола.
И опять эти сны из какой-то старинной печали.

Закрываю глаза. И звенят уже где-то в крови
Эти сосны и мох. Эти встречные сучья осины.
Ах ты, русская грусть! Не в тебе ли кричат соловьи —
И в тоске непонятной летят под колесные шины?

А дорога звенит, а дорога свистит под ногой.
И срывается вдруг, и встает на дыбы пред глазами.
Это русская быль. Это царский маршрут столбовой.
Это Грозный Иван, а не коршун промчался над нами.

Вот он там, впереди, вихревым заметался хвостом,
И взлетела метла, и дорожный развеялся пыльник.
Газани-ка, шофер! И давни-ка его за мостом!
Пусть он знает свое — этот сыч, скоморох и насильник.

Пусть он в прахе исчез. А в потомстве он так недалек!
Он костями исчез. А вот дыхом — в любой еще сваре!..
Вон часовня его. Из горбатых камней теремок.
Царь молиться любил. И рыдал в покаянном ударе.

Принажми-ка, шофер! И с разгону — была не была! —
Разотри на песке это жуткое, злое виденье,
Мы и сами в свой час — не с его ли визжали кола?
Не с его ли крюков на скудельные шли удобренья?..

А дорога звенит. А дорога восходит, как дым,
И, над яром взлетев, разогнавшимся обручем скачет.
И хвоя, как стрела, за стеклом пронеслась ветровым, —
Не его ли стрела? И не он ли там сзади маячит?..

Этот горестный сон! Эти вещие смуты в крови!
Эти сосны и мох! Эти встречные сучья осины!..

Ах ты, русская жизнь! Не в тебе ли кричат соловьи—
И в тоске непонятной летят под колесные шины?

1981

СТИХИ О ГРИШКЕ ОТРЕПЬЕВЕ

Для меня ты, брат, совсем не книга,
И тебя я вспомнил неспроста,
Рыжий плут, заносчивый расстрига
И в царях — святая простота.

Мы с тобой — одна посконь-рубаха.
Расскажи вот так, без дураков:
Сколько весит шапка Мономаха
И во сколько сечен ты кнутов?..

За цветными окнами столетий,
Что там, где — пойми издавека!
Да и нынче — столько вас на свете
Поджидает царского пайка!

Забывают — кто отец, кто мама,
И не лучше ль сеять, чем хватать?
А ведь ты бы, Гриша, скажем прямо.
Мог бы просто песенки играть.

И ходил бы с клюквой на базаре
Да из лыка плел бы лапотки.
А тебя вот псивые бояре
Изрубили прямо на куски.

Только всё ж — за дымкой-невидимкой
Ты уж тем хорош, приятель мой,
Что из всех, пожалуй, проходимцев
Ты, ей-ей, не самый продувной.

Изрубили все же и спалили,
Заложили в пушку — и каюк.
А иным бродягам все простили,
Даже тьму придумали заслуг.

И гремит веками литургия —
Со святыми, дескать, упокой.

А тебя и нынче вот, как змия,
Проклинают дьяки за разбой.

Только знаю — парень ты без страха.
И давай — скажи без дураков:
Сколько весит шапка Мономаха
И во сколько сечен ты кнутов?

1966

СТИХИ О ПЕЧЕНЕГАХ

1

Сколько было всего: и литавры, и бубны, и трубы!
И со всех верхотур грохотали вовсю рупора,
И с каких-то подмостков кричали какие-то губы,
Только я их не слышал: повсюду кричали «ура».

Это были авралы, и штурмы, и встречные планы,
Громовое «Даешь!» и такое бессменное «Есть!».
А потом лихачи уходили туда — в котлованы
И вовсю воровали — и тачки, и цемент, и жечь...

Эту горькую боль и теперь мы никак не проварим,
Этих жутких картин и теперь мы не можем избыть,
И летят в никуда, и сгорают в незримом пожаре
И леса, и хлеба, и густая пчелиная сыть...

Не боюсь я ни смерти, ни жадных когтей Немезиды,
Не боюсь, что и в смерти не встречу удачу свою,
А боюсь я того, что подкожные черви и гниды
Источат не меня, а бессмертную душу мою.

Замолчите кругом, и литавры, и бубны, и трубы!
Не гремите, витии! Заткнитесь вверху, рупора!
Ибо вижу над миром беззвучно кричащие губы.
Я хочу их услышать. Пора.

Не стыдятся и не краснеют—
 Заберутся к соседу в дом,
 Ни копеек и ни стеек,
 Ни гвоздя не оставят в нем.

А сосед — не давай промашку,
 Не спеши ради бога в суд,
 А не то ведь — загнут «корчажку»
 Да и ножичком поскребут.

Не стыдятся и не краснеют,
 Уж такой, брат, замах пошел:
 За вином твоим окосеют
 И рыгают тебе под стол.

Столько в каждом из нас гороха!
 Столько в каждом глубинных сил!
 Да и ты, брат, не будь аноха,
 Покажи современный пыл.

Ни старухе и ни ребенку
 Не спускай своих кровных ран,
 Забирай у сестры гребенку
 И засовывай в свой карман...

Али глаз твой устроен плохо?
 Али Пушкин тебя растил?
 Али тетка, звезда Солоха,
 Не стояла у всех кормил?..

Ах ты, тетка, звезда Солоха!
 Сколько ты позаткнула звезд!
 Отличала тебя эпоха,
 За постом выдавала пост.

Не стыдилась ты, не грустила,
 Заходила во всякий дом.
 Даже Бога ты уводила
 Под наганом и тесаком.

А теперь вот твои внучата
 На твою извострились дверь.

Ни клюки твоей, ни халата
Не оставят тебе, поверь,

Ни клюки твоей и ни вздоха,
Оторвут даже бедный хвост...
Ах ты, тетка! Звезда! Солоха!
Сколько ты позаткнула звезд!

3

Как научились воровать!
Воруют все — напропалую.
Ворует сын, ворует мать—
И строят дачу воровскую.

Ворует пекарь у печей,
Ворует резчик у буханки,
Ворует сторож у бахчей,
Ворует книжник у стремянки.

Ворует врач у порошков,
Ворует сварщик у паялки.
И даже — тренер у прыжков.
И даже — мусорщик у свалки.

Воруют грунт из-под двора,
Воруют дно из-под кадушки.
Воруют совесть у Петра,
Воруют душу у Марфушки...

Кого просить? Кому кричать?
И перед кем стоять в ответе?
И что мы будем воровать,
Когда растащим все на свете?

1982

* * *

Молчи, Иеремия!
Не кайся в худобе.
И речи всеблагие
Даны уже тебе.

И духом ты не беден,
И сердцем ты не хил.
И самый лучший бредень
Ты в мире пораскрыл.

Измерь людские хляби,
Греби в любом низу.
И в самом дохлом крабе
Исторгни хоть слезу.

Пускай в крови планета
И грозен Асмодей.
Излавливай для света
Исчезнувших детей.

Пускай они глухие,—
Ныряй в любую щель...
Иди, Иеремия,
Бери свою свирель.

Иди, Иеремия,
К залегшим во гробе!
А звуки всеблагие
Даны уже тебе.

Играй свои погудки
По всем концам земли,
Чтоб снова незабудки
Из гноя расцвели.

Забудь свои покосы,
И смокву, и парчу,
А твой бродяжий посох
Я сам тебе вручу.

1982

ПОДРАЖАНИЕ ЭККЛЕЗИАСТУ

1

Всё на земле рождается,
И всё на земле кончается,

И то, что было осмысленно,
В бессмыслицу превращается.

И вот она — суть конечная,
И вот она — грусть извечная.
Земля ты моя неустанная!
Галактика наша Млечная!

И если мы все рожаемся
И с волей своей не справляемся, —
Зачем же тогда к посмешищу
Мы заново устремляемся?

2

Ты вышел из дома — все цитры звучали,
Все дети твои и друзья ликовали,
А в дом возвратился — и скорбь, и рыдания,
И всю твою семью ведут на закланье.

И видишь ты стол, оскверненный врагами,
И видишь ты пол, что утопан скотами,
И видишь ты стены в моче и навозе
И всю свою утварь в разбойном обозе.

Крепись и мужайся и телом и духом.
Не всё ли под солнцем проносится пухом?
И в славе почета и в смраде бесчестья
Да будет в руках твоих шест равновесья!

3

Ну кто из пастырей земли
Упреки мудрых переносит?
Какие в мире короли
Глупца на пир свой не попросят?

Мудрец — он Богу самому
Всю правду выложит, не скроет.
(А Тот по случаю сему
И возгремит и волком взвоят!)

Зато глупец — известный жук:
Он перед властью медом льется!
А мед такой — хмельней наук,
Поскольку славою зовется.

4

И видел я в земном своем скитанье —
Во всех углах, на всех путях земных —
И свет ума, и полный мрак незнания,
И гибель добрых, и всевластье злых.

И видел я, как подлость торжествует,
И как неправда судит правоту,
И как жрецы за глупость голосуют
И тут же всласть целуют ей пяту.

И проклял я все стогны человечьи
И в знойный прах зарылся от стыда,
И под свистки холопского злоречья
К своим трудам ушел я навсегда.

5

Суета сует, суета сует
И в сто тысяч раз и вовек.
Только тьма и свет, только тьма и свет,
Только звездный лед, только снег.

Только тьма и свет, только зверий след
Да песок пустынь у могил.
Остальное все — суета сует,
То, что ты да я наблудил.

И за годом год, и за родом род,
И за тьмой веков — снова тьмы.
Только звездный ход. Только с криком рот.
Да песок пустынь. Да холмы.

ГЛАСОМ ЦАРЯ ДАВИДА...

1

Днем я сникал от жара, ночью страдал от стужи,
Стриг я твоих верблюдов, пас я твоих овец.
Что ж ты меня удавкой стягиваешь все туже,
Ты, сотворивший землю, Зодчий мой и Отец?

Сколько тебе служил я! Сколько тебя я славил!
Даже родного сына клал тебе на костер.
Только не арку Млечную ты надо мной поставил —
Звездную перекладину ты надо мной простер.

Я укрепляю дом свой лучшими городнями,
Градами и кремлями землю свою обвел.
Ты ж в меня запускаешь огненными камнями,
Черными головнями целишься в мой котел.

Дай же мне объяснение — в чем же твоя обида?
Гласом царя Давида к высям вздымаю зов:
— Что же я — цвет творенья, или я просто гнида
С первого дня рожденья — и до конца миров?

Что же ты мне отвечаешь ядерными громами
И во вселенской яме топчешь мои города?
Где же твоя десница, льющая мед над нами?
Или мое рожденье — миг твоего стыда?

Или твое проклятье — в горестной той колыбке,
Где ты меня младенцем бросил среди пустынь?
Что же я так взыскуюсь не за свои ошибки, —
То возгремит Гоморра, то возгорит Хатынь?..

Днем я сникал от жара, ночью страдал от стужи,
Стриг я твоих верблюдов, пас я твоих овец.
Что ж ты меня оставил в этой вселенской луже —
И зашвырнул в пространства грифель свой и резец?

2

Уж если ты, Господь, безбрежен
Пред ликом неба и земли,
Уж если дух твой неизбежен
Для тех, кто ползает в пыли;

И если я в земном кружале
Давно утратил облик свой —
И растоптал твои скрижали,
И надругался над тобой,—

Прости, Владыка,— хлеб мой скуден,
А воздух смертно почернел,
И сколько всяческих паскудин
Уже рванулось в твой предел!

И сколько смрадных испарений
Испакощало кровь мою!
И после стольких погребений
Я вновь из праха восстаю!

И если я в земном кружале
В звериной свалке изнемог,—
Уважь, Господь, мои печали,
Не проклинай моих дорог.

Не весь мой дух испепелился,
Не весь я смрадом изошел.
Не ты ли в дол ко мне спустился
И словом песенным расцвел?

1982

* * *

Это было в ночи, под венцом из колючего света,
Среди мертвых снегов, на одном из распутий моих...
Ты прости меня, матушка, из того ль городка Назарета,
За скитанья мои среди скорбных селений земных.

Это было в полях — у глухого промерзшего стога,
Это было в горах — у приморских завьюженных дюн...
Ты прости меня, матушка, породившая Господа Бога,
За ристанья мои и за то, что был горек и юн.

Грохотала земля. И в ночах горизонты горели.
Грохотали моря. И сновали огни батарей...

Ты прости меня, матушка, что играла на Божьей свирели
И дитя уносила — подальше от страшных людей!

И грохочет земля. И клокочут подземные своды.
Это все еще — тут, на одном из распутий моих...
Ты прости меня, матушка, обрыдавшая веси и воды,
Что рыдаешь опять среди мертвых становий людских.

Проклинаю себя. И все страсти свои не приемлю.
Это я колочусь в заповедные двери твои:
Ты прости меня, матушка, освятившая грешную землю.
За неверность мою. За великие кривды мои.

1980

ПРИГЛАШЕНИЕ

Забытые святители!
Простите за грехи.
Приветствуют вас жители,
Запевшие стихи.
Душа у нас с запросами,
И все — как у людей:
Девчонки — с папиросами,
А женки — без детей.

Любезные святители!
Пожалуйте в наш круг.
Пускай мы все ревнители
Космических наук.
Да ножки вот — бескостные,
Да силки нет в горсти.
И глазки ваши острые
Теперь у нас в чести.

Товарищи святители,
Микола и Андрий!
Зовут вас покорители
Исконнейших стихий:
В кровях у нас прослежены
Все скрытые ходы,
А речки обезврежены,
Поскольку — без воды.

Пожалте же, скромнейшие,
Да к нашему столу.
У нас теперь умнейшие
Слагают вам хвалу.
И крестики сапфирные —
У каждого котла,
И всюду сувенирные
Поют колокола.

Ах, вышние старатели!
Давайте же скорей!
У нас тут все писатели
Собрались у дверей.
Проселки наши зелены,
А в рощах — благодать:
И волки все пострелены,
И эков не видать.

1981

СТАНСЫ

И этот сон истек над Русью!
И эта муть сошла на нет!
И лишь у глаз — морщинка грусти
От злого хмеля стольких лет.

Да в чьих-нибудь костях — ломота
От стуж великой Колымы.
Да эта страшная забота
За наши песни и умы.

И где он — тот, чей край шинели
Мы целовали, преклонясь?
Пошла в назем кремлевским елям
Его развенчанная власть.

Что мог бы он теперь ответить?
Как посмотрел бы нам в глаза?
Или опять мы — только дети,
Не раскусившие аза?

Пускай мы пели и кадили
И так мечтали жизнь прожить.
Но вы-то как — что нас учили
И петь, и славить, и кадить?

Мы не обидим вас упреком,
И так вам солоно пока:
Ученики от тех уроков
Едва созрели к сорока.

Мы только будем чуть добрее
И дальновидней, может быть,
Чтобы под своды Мавзолея
Гробов обидных не вносить.

Чтоб стало загодя понятно —
Кому, за что, какая часть, —
И не вытаскивать обратно,
И людям в притчу не попасть...

Но все проходит. И над Русью
За светом новый вспыхнет свет...
И только вот — морщинка грусти
От злого хмеля столько лет!

1961

* * *

За любыми земными развилками
Не измерить людской маеты...
И стоят, и стоят за бутылками
Бесконечные наши хвосты.

И хрипят радиолы воскресные,
Только слышится: «Парáм! Парáм!»
И за всякие бублики пресные
Так и хочется дать по мордам.

А у нас тут, кубыть его в стерео,
Появился такой старичок,

Что не верит ни в камень, ни в дерево,
А в единый земной кабачок.

Ах ты, курва! Шалава крапленая!
Что нам снится в полуночный час?
Не твоя ль бороденка зеленая
У моих припухающих глаз?

Или снится нам юность голодная
И глухой забайкальский барак?
Или давит нас гарь водородная
И всемирный космический мрак?

И слипаемся в тройки поспешные
В развеселом дыму городов,
Только вьются хвосты многогрешные
У вокзалов, у рек, у садов.

То ли небо, давно уж спаленное,
То ли что-то незримое в нас...
Ах ты, курва! Шалава зеленая!
Что нам снится в полуночный час?

1973

СТИХИ О НИКОЛАЕ КЛЮЕВЕ

*От Вытегры до Шуи
Он изобразил весь край,
И выбрал кличку — Ключев
Смиренный Миколай.*

С. Есенин

Хотим иль нет, а где-то вьется нить:
Звенит струя незримого колодца!
Мы так его стараемся забыть —
И все-таки забыть не удается.

Где скрылся он — тот огнепальный стих?
Он где-то в нас — под нашей тайной плетью.

Знать, так живуч смиренный тот жених —
Сей Аввакум двадцатого столетья!

Он сам себе был жертва и судья.
Он крепко спит — крамольник из Олонца,
Но этот крин, та звонкая струя
Из тех лесов, где столько тьмы и солнца!

Из тех пещер, от тех пустынных дюн,
От тех былин полуночного взморья!..
И сам он лег — замшелый, как валун,
У колеи железного Егорья.

Он сам себя швырнул под ту пядь,
Из-под которой — дым, и прах, и пламя.
Зачем же мы все помним ярость ту —
И не простим той гибели с мощами?

Давным-давно простили мы таких,
Кому сам Бог не выдал бы прощенья.
А этот старец! Это жалкий мних!
Зачем в него летят еще камня?

Давно с землей смешалась та кутья,
Давно истлел тот скрытник из Олонца.
Но этот крин, та звонкая струя,
Где столько трав и северного солнца!

Теперь ты здесь да белый голубец,
Зеленый клен да ковшик из бересты.
Сюда бы шли и старец, и юнец,
И грозный страж, и милые невесты.

Пускай придут — и вспомнить, и почтить,
И зачерпнуть из древнего колодца...
Мы так его стараемся забыть —
И все-таки забыть не удастся.

РЕЧИТАТИВ

— Тук, тук! Что в горбу?

— Денежки.

— Тук, тук! Кто наклал?

— Дедушка.

Из народных баек.

Нету денежек в горбу у меня,
Несподобленная в детстве была:

Дедушка был старенький,

Папочка был пьяненький,

Мамочка не зналася,

Где-то все терялася.

Про себя я только помню,

Что в соседях росла,

Что в соседях росла,

Деток нянчила,

Старшим завтрак подавала

Да на поле выбегала,

Да на поле выбегала,

Жучек скликивала,

Колосочки подбирала,

Птичек спугивала.

Нету денежек в горбу у меня,

Незадачливая в жизни была:

Муженечек был — Степашечка,

Размалевана рубашечка,

Все-то рыскал по шалманчикам

Да по дружеским карманчикам.

А сама я не копила —

Простовата была,

На работе не хитрила —

Все-то скромничала.

Деток было пятеро,

Что имела — тратила:

Свекру — на бутылочку,

Мужу — на посылочку, —

Да по тем ли адресочкам

В ту ли сторону,

Где голубке не живется,
Только ворону,
Где Макар гулял —
Да телят растерял,
Да и сам-то пропал
За калиточкой.

. . . . .
— Тук, тук! Что в горбу?
— Червячок сидит.
— Тук, тук! Где нашла?
— Не заметила.

1982

* * *

ПЕСНЯ

Ничего мне не надо от жизни моей —
Только б видеть тебя,
Только б видеть тебя да коснуться рукой
Да плеча твоего,—
Чтобы ты простучала по звонким мосткам
И вбежала ко мне
И запахло бы снова зеленой травой
От сапожек твоих.
И пускай там всю ночь поют соловьи
И скрипит коростель,
И под лунным сияньем воркует река
И блестит серебром,—
Ничего мне не надо от жизни моей —
Только б видеть тебя,
Только б видеть тебя да коснуться рукой
До плеча твоего.

1982

РОМАНС

Эта поздняя грусть с переборами!
Этот горестный женский уют!
Ах, закроемся бедными шторами
И примолкнем на десять минут.

Уж давно отцвели одуванчики
И развеялись пухом с полей.
И поблекли твои сарафанчики,
И повыцвели стрелки бровей.

Угости же орехами грецкими, —
Для меня ведь до слез хороши
И твои сундучки городецкие,
И твои чухломские ковши.

Пронесутся года недалекие,
И не век уже нам вековать.
Разойдемся с тобой — одинокие,
Будем в разных концах помирать.

И все грустные наши свидания,
И все речи твои и мои
Зацветут в наших снах, как предания,
Запоют, как весной соловьи.

И твои сарафанчики блеклые,
И твое немудрое жилье
За моими закатными стеклами
В божество превратятся мое,

Зазвучат стиховыми повторами,
Семицветной дугой зацветут...
Ах, закроемся бедными шторами
И примолкнем на десять минут.

1981

* * *

Процветает человек —
В орденах.
Умирает человек —
В колтунах.

Сколько всяких орденов
Золотых!
А затем — и колтунов
Никаких.
Прямо тут же — целиком,
Навсегда
Покрывает все кругом
Лебеда,—
Все покроет, позабьет —
И пожрет,
А припомнится Федот —
Да не тот.

1982

АХ ТЫ, КУЗЯ-БАРЫШНИК...

Ах ты, Кузя-барышник,
Знаменитый добышник!
Заложил ты, брат, душу
За слюнявый пятишник —

За бумажный и медный,
За безвредный и вредный.
И в какой только роли
Ты не выступишь, бедный!

То под видом Руслана,
То по видом Демьяна,
То под видом «кормильца» —
Работяги Ивана.

То под видом юриста,
То под видом русиста,
То под видом сексота —
Коренного марксиста...

До чего же я знаю
Всю-то вашу породу
До того уже знаю,
Что хоть с камнем да в воду!

Ибо все-то мы вместе
Любим выпить по двести
И махлюем свой грошик
Из проржавленной жести...

Ах ты, Кузя мой, Кузя,
Дорогуша братеник!
Заложил ты, брат, совесть
За мочалку и веник,

Заложил ты, брат, совесть
Да и пращуров тоже.
Получай же, салага,
Да по родственной роже!

И пускай это слово
Для тебя и не ново,—
Получай это слово —
И глотай его снова —

За всю жись твою честну,
За ухмылку известну
А не то и взаправду
Кулаком тебя тресну.

ЦЕНЫ ПОВЫШАЮТСЯ...

Цены повышаются, цены повышаются,
Дорожает век.

Цены повышаются, женщины ругаются
И скребут сусек.

Цены повышаются, облака снижаются,
Дождик моросит.

Облака снижаются, люди укрываются
В свой домашний скит.

Цены повышаются, двери запираются,
Гавкает Трезор.

Сумерки сгущаются, женщины пугаются,
Смотрят из-за штор.

Цены повышаются, цены повышаются...
Маятник стучит...
Кто-то появляется, кто-то приближается,
За углом стоит.

1981

ЭВОЛЮЦИЯ

*Я счастливый сын своей эпохи.
Мне дана стихов живая власть.
Песня что? Лишь выдохи и вдохи.
Но счастливой песне не пропасть.*
Вл. Луговской

Что вынес я из жития земного?
В чем суть и соль истории людской?
Один берет за шиворот другого,
А иначе ухватит тот, другой.

Один другого гнет и понукает,
А тот, другой, стремится ушмыгнуть.
Из коновода Цезарь вырастает
И в гордости спесиво пятит грудь.

Один другого тискает под прессом
И все хочет подбавить, охламон!
И пресс такой не явится прогрессом,
Когда тебя не выжмут, как лимон.

И вот приходят Фۇльтоны и Куки,
Философы, юристы — и конвой.
И вот уже тебя — под пресс Науки,—
Не под пердячий пресс, а паровой!

И жмут тебя все блага Индустрии.
Да так нажмут, что просто — красота!
А вокруг станков — поэты и витии,
И все услуги Красного Креста.

И вот уже — новейшие Законы,
И вот уже — новейший Инженер.

И жмут тебя фотоны и протоны,
И весь комфорт сверхмощных атмосфер.

А ты, забыв все выдохи и вдохи,
Кричишь: «Даешь!» (и никаких гвоздей!)
И все поешь, как сын своей эпохи,
Что нет счастливей участи твоей.

А между тем, лишь погляди спокойней,—
Вот он — итог свершений мировых:
Все тот же пресс, все та же маслособойня,
А ты в конце — все тот же самый жмых.

И вот он — круг призвания земного,
И вот он — круг истории людской.
И нет пока что выхода другого,
И нет пока истории другой.

1982

ОДА К МОРЮ

*Талатта! Талатта!
Из древних греков.*

Извечное море! Извечный лазоревый дым!
Вселенская мова!
Извечно стою перед грозным величием твоим
У края земного.

И снова швыряю в твою громоносную даль
Кусты зверобоя.
И снова плюешь ты в мою роковую печаль
Костями приборя.

Извечное море! Гигантские ритмы зыбей!
Земная раскачка!
Старик Посейдон! У твоих просоленных коней
Захватиста скачка.

Вздымаются гривы — и снова катит напролом
Гремящая лава, —

И снова пылает во всем бесподобье своем
Вселенская слава.

Гудит Океан, и горящие копыта богов
Пронесутся в доли —
И рушатся снова в крошечную пропасть веков
Земные престолы.

И снова ты, море, звенишь и сияешь, как Феб,
У каждой ограды,
И снова ты в трюмах проносишь мастику и хлеб
Для новой Эллады.

И заново зреют для новых святилищ и вер
И солнце и луны.
И вот — я опять пред тобою, как старый Гомер,
И вот — мои струны...

Извечное море! Извечный лазоревый дым!
Извечное Слово!
Извечно стою перед грозным величием твоим
У края земного.

И снова рыдаю в твою громоносную даль
Стихами изгоя.
И снова плюешь ты в мою роковую печаль

Костями прибоя.

1981

ОДА К РОССИИ

Во все концы со всеми переправами,
Во все края
Ты пролегла червлеными заставами,
Страна моя.

Они прошли подземными карьерами
И в прахе звезд.
И ставишь ты над всеми Кордильерами
Дозорный пост.

И вот горят перед целою Вселенною
Твои костры.
И вот опять на струны многопенные
Кладу персты.

Не поклонюсь ни Власти и ни Жречеству
Ни здесь, ни там.
И весь мой звон — тебе, мое Отечество,
Твоим Щитам.

Твоим кострам, твоим постам и засекам —
Хвала моя!
И вот стоит, перед Змием и перед Свастикой,
Старик Илья.

И конь его все так же, по-бывалому,
Грудаст и дюж.
И знаю — дед в подол ребенку малому
Насыплет груш.

Утрет слезу, потреплет хлопцу волосы,
И снова — Страж.
И вьется плеть — ременная, в три полосы,
За Млечный кряж.

И скачет Он подземными карьерами
И в прахе звезд.
И держит Он над зверьими пещерами
Державный пост...

И вот горят над целою Вселенною
Твои костры.
И вновь кладу на струны многопенные
Свои персты.

СОДЕРЖАНИЕ

«На все цветы и зарождения...»	3
Иркутский базар	4
«Я долго жил среди такого круга...»	4
«О страсти мира! Извечный крик!..»	5
Царская дорога	6
Стихи о Гришке Отрепьеве	8
Стихи о печенгах	9
«Молчи, Иеремия!..»	11
Подражание Экклезиасту	12
Гласом царя Давида...	15
«Это было в ночи, под венцом из колючего света...»	16
Приглашение	17
Стансы	18
«За любыми земными развилками...»	19
Стихи о Николае Ключеве	20
Речитатив	22
Песня	23
Романс	24
«Процветает человек»	24
Ах ты, Кузя-барышник	25
Цены повышаются...	26
Эволюция	27
Ода к морю	28
Ода к России	29

ТРЯПКИН Николай Иванович
ПОДРАЖАНИЕ ЭККЛЕЗИАСТУ

Стихи

Редактор О. Н. Х л е б н и к о в

Технический редактор Т. Я. К о в ы н ч е н к о в а

Сдано в набор 02.08.89. Подписано к печати 19.09.89. А 10600.

Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».

Офсетная печать.

Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,58. Уч.-изд. л. 1,28.

Тираж 150 000 экз. Зак. № 1024. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

СЧАСТЛИВЫ ДЕТИ ДАЛЬНОВИДНЫХ РОДИТЕЛЕЙ

● Заключив договор с госстрахом, родители или близкие родственники преподнесут своему ребенку ко дню совершеннолетия хороший подарок — приличную страховую сумму.

● Ежемесячные взносы зависят от возраста ребенка, срока страхования и страховой суммы. При единовременной уплате взносов за весь срок страхования их размер уменьшается.

● При стойком расстройстве здоровья ребенка в результате травмы органы госстраха выплачивают родителям определенную сумму, причем она может быть удвоена или утроена, если Вы заключите договор по тарифам «Д-2» или «Д-3». Пособие выплачивается также в случае длительного лечения ребенка от любой травмы.

● Взносы можно уплачивать как наличными деньгами, так и путем безналичных расчетов по месту работы.

● Подробнее ознакомиться с условиями и заключить договор можно в инспекции госстраха или у страхового агента.

● Накопленные деньги помогут Вашему ребенку в начале самостоятельной жизни.

Правление государственного страхования СССР